

Литература и источники

1. Российская газета. – 1999. – 25 июня.
2. Егоров, С. Диалоги с диаспорой // Отечественные записки. – 2002. – № 7. – С. 273–285.
3. Юревич, А.В. Фетишизм статистики: количественная оценка вклада Российской социогуманитарной науки в мировую / А.В. Юревич, Ф.П. Цапенко // Социология науки и технологий. – 2012. – № 3 URL: <http://cyberleninka.ru>.
4. Ушкалов, И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность // Миграция и безопасность в России. – М., 2000. – С. 128–130.
5. Raeff, M. Russia abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1919–1939. – Oxford, 1990. – P. 59.
6. Ковалевский, П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Paris, 1971.

КОНЦЕПЦИИ БИОЛОГИИ И ИЗМЕНЕНИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ*

Хен Ю. В. (Москва, Россия)

Влияние биологии на формирование мировоззрения стало особенно заметным к середине XX века. Тогда теорией, объединившей вокруг себя мировоззренческие представления, стал дарвинизм. В настоящее время все большее влияние приобретает экосистемная теория эволюции, с которой связан целый ряд концептуальных преобразований, по-своему формирующих наше видение мира и места человека в нем.

Экологический кризис современности, как бы непривычно это ни звучало, представляется прямым следствием господства дарвинизма и основанного на его теоретических построениях специфического мировоззрения. Эта связь не лежит на поверхности, но если проанализировать тот образ жизни, который вытекает из следования «законам природы», то мы увидим, что он ориентирован на преследование сиюминутной выгоды и не оставляет места для будущего. Кроме того, дарвинизм по своей сути является источником антропоцентрического видения мира, в соответствии с которым человек представляется не просто вершиной эволюции, но и ее конечной целью, тем завершением, за которым не должно следовать ничего нового. Отсюда и панические прогнозы о надвигающейся экологической катастрофе, которая отождествляется с концом человеческой истории. Между тем, если рассматривать историю жизни на земле не с точки зрения человека, а более масштабно, то легко заметить, что прелюдией, сделавшей физически возможным существование человека на земле, была жизнедеятельность и последующая гибель нескольких глобальных экосистем (например, бактериальных матов, создавших необходимый запас кислорода в атмосфере земли). Если покинуть

---

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 15–03–00034.

антропоцентрическую позицию, судьба человечества перестает выглядеть слишком трагично – это всего лишь еще одна экосистема в ряду других. Действительная трагедия заключается в том, что благодаря наличию разума (воистину избыточного изобретения эволюции) человечество слишком быстро исчерпывает ресурсы среды. Все виды рано или поздно вымирают, но до того момента они успевают прожить десятки и сотни миллионов лет. Человечество же, которому по самым взвешенным оценкам что-то около двухсот тысяч лет (по эволюционным меркам – это миг), уже стоит на грани экологической катастрофы. Оставим в стороне разговор о загрязнении и ресурсах (расчет их можно вести по-разному), но с экосистемной точки зрения положение человечества крайне неустойчиво, поскольку вид *homo sapiens* остался фактически в одиночестве на планете, где все остальные крупные млекопитающие существуют либо в заповедниках, либо в виде сельскохозяйственных животных. Было бы преувеличением сказать, что в возникновении такого положения повинен дарвинизм, но именно основанное на нем мировоззрение является причиной того, что современные экологические разработки ориентированы не на кардинальное изменение ситуации, а только на максимальное продление существующего положения.

Борьба за существование – это настолько сильный стимул, что он легко вытесняет все прочие соображения. Но в результате следования примитивным потребностям сиюминутная выгода начинает превалировать над долгосрочной пользой, а, в конечном итоге, всех победителей борьбы за существование ожидает экологический кризис, поскольку неперенным спутником идеологии естественного отбора является потребительское отношение не только к другим особям своего вида, но и к природным ресурсам вообще. Таким образом, при рассмотрении некоторых «гуманитарных» следствий дарвиновской теории эволюции становится понятным, что стратегия борьбы за существование не является оптимальной в долгосрочной перспективе. Помимо прочего, это значит, что она не могла быть движущей силой развития жизни на земле. Т.е., это соображение лишает дарвинизм его теоретического ядра и обесценивает его как теорию в строгом куновском смысле

Поиски других механизмов развития привели к созданию экосистемной теории эволюции. Многие «нематериальные» вещи, такие как место и роль человека на эволюционном древе, его сущность и историческая задача, а также многое другое, в свете коэволюционных представлений обретает существенно иную форму, нежели в свете дарвиновской теории эволюции, которая, как и креационизм, изображает человека если не венцом эволюции, то уж во всяком случае несомненным победителем в борьбе за существование. Экологический кризис современности, как уже говорилось, представляется мне прямым следствием господства дарвинизма. Эта связь не лежит на поверхности, но если проанализировать тот образ жизни, который вытекает из следования «законам природы», то мы увидим, что он ориентирован на преследование сиюминутной пользы и не оставляет места для будущего. Принцип борьбы за существование и выживания наиболее

приспособленных дает эволюционное преимущество только самым простым «талантам», таким как сила, ловкость, физическое здоровье или плодовитость. Тогда как человеческое общество умудрилось развить множество других ценных с культурной точки зрения качеств (музыкальные способности, например), и нет никакой возможности объяснить, как выживание «ботанов» стало возможно в условиях всеобщей борьбы за существование.

История человеческой цивилизации показывает, что война всех против всех не является достаточно продуктивной стратегией развития. При достижении долгосрочных (глобальных) целей предпочтительнее оказывается кооперация. Этот факт прекрасно отражает экосистемная теория эволюции. Непосредственно механизм, движущая сила эволюционного процесса представлены в ней даже менее определенно, чем это делает дарвиновская борьба за существование. Но на интуитивном уровне картина эволюции в экосистемной модели выглядит гораздо более логичной, лучше соответствует «здравому смыслу», а это является существенным фактором при включении теории в картину мира. Она является основой для совершенно иной картины мира. Выживание одного вида невозможно. Эволюционирует не отдельный вид, а экосистема. Тенденция к глобализации, ощутимо присутствующая в современном мире, является своеобразным свидетельством истинности именно экосистемной теории эволюции.

К МЕТОДОЛОГИИ ИННОВАЦИЙ В СФЕРЕ ОБЩЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Цымбалюк Е. А. (Минск, Беларусь)

Инновационные изменения в массовом музыкальном обучении и воспитании обусловлены рядом факторов. С одной стороны, постепенным переходом от мелодической основы музыки к ритмической, когда мелос как основное средство художественной выразительности в европейской музыкальной традиции сменяется, по крайней мере в области эстрадного искусства, эпохой доминирующего ритма, к которому подстраивается содержательная компонента, тембровые краски и гармонические обороты.

Изначально мелос и ритм как «глобальные концепции музыки» (В.Н. Холопова) имели вполне определенные географические очертания. Первая развивалась в лоне европейской и азиатской культуры, вторая охватывала регионы Африки и Латинской Америки [1, с. 34–43]. Однако современные художественные реалии показывают иное. Мелодическая линия перестает быть столь развернутой как ранее, кантиленная манера исполнения сменяется на эпатажную, нарочито громкую, с обилием коротких фраз.

С другой стороны, на музыкальное образование не могут не влиять три «объективно сложившиеся концепции человека в музыке» (М.С. Старчеус) – «человека умелого», «человека общительного» и «человека разумного».